

книгу о фортепианном творчестве С.Прокофьева. Нам сегодня уже трудно понять, что в 1960 году писать о Прокофьеве, говорить о нем было не так легко. И здесь сразу проявилось умение Гаккеля говорить, вроде бы и не потрясая основ, не диссидентствуя, не опровергая авторитетов, но говорить так, как никто до него не говорил.

Своеобразная экспрессивность стиля, внутренняя свобода, самостоятельность позиции, естественно, не остались безнаказанными в эпоху, которую весьма неточно называют "застойной". Вышедшая в 1976 году блестящая книга Гаккеля о фортепианной музыке XX века стоила автору немалых неприятностей. Известно ведь, что во все времена талантливость воспринималась кем-то как своего рода нелояльность, как измена. Гаккель не раз изменял - академическим канонам, привычным представлениям, узаконненным мнениям консервативной элиты. Научность у нас нередко трактуют в достаточно узком спектре, как нечто осторожно-вкрадчивое по тону и тщательно огражденное ссылками на авторитеты. Естественно, Гаккель более чем хорошо знаком с литературой вопроса, по которому пишет. Он прекрасно знает и всех своих предшественников, но, не дискутируя с ними, он зачастую утверждает особое, ощущаемое им самим нечто неожиданное и новое. Случается, что его идеи некоторыми воспринимаются как субъективные, а стало быть, и ненаучные. Да, Гаккель субъективен, но в той области деятельности, которой он себя посвятил, субъективность зачастую не недостаток, а, напротив, большое достоинство.

Гаккель любит и знает отечественное искусство и далеко не только фортепианное. Читая его

Словом — о музыке

статьи о С.Рихтере, Э.Гилельсе, М.Гринберг, Н.Перельмане и других известных наших музыкантах, начинаешь лучше ощущать не только профессиональные свойства русской пианистической культуры, но и главные достоинства, основные постулаты русской культуры вообще. Гаккель - знаток русского искусства, но в первую очередь он знаток, можно даже сказать, певец Петербурга, прежде всего, конечно, Петербурга музыкального. С родным городом связаны самые поэтические страницы его музыковедческой прозы. Нигде, пожалуй, культурологические и одновременно литературно-художественные аспекты гаккелевского творчества не выражены так сочно, ритмично, красочно, нигде они так не выстраданы обидчивой любовью коренного петербуржца к своему городу (обидчивой - прежде всего из-за неисчислимых людских потерь, тогда как внешний облик города, в отличие от Москвы, обманчиво сохранен), как на "петербургских" своих страницах. В статье "Мусоргский и Петербург" читаем: "Что отнял Петербург, что дал он? Утраты неотделимы от приобретений, а для гениального творца вдвойне так, все - на пользу творчества. Мы, потомки, с горечью и сочувствием следя личную судьбу Мусоргского в Петербурге, благодарим великий город за многосмысленность, за эмоциональную напряженность его диалога с композитором..." И дальше, в той же статье: "Петербургское желтое, горькая петербургская иллюзия солнца: ее Мусоргский передает, преодолевает, продлевает... Вольно или невольно прикасается композитор к христианской символике Солнца-Сердца... Иллюзия Солнца - это иллюзия Любви, но хоть иллюзию такую хочет поддерживать желтый Петербург, иначе ему жить вовсе без Солнца, без Любви, без Бога".

Совершенно ясно, что мы встречаемся здесь уже не с музыковедением, не с публицистикой, но с полноценной прозой высокого качества, хотя и связанной с темой музыкального творчества.

Последняя по времени работа Гаккеля посвящена деяниям и памяти двух великих артистов нашего столетия - М.Юдиной и В.Софроницкого, взращенных, но силою обстоятельств утраченных Петербургом. Гаккель говорит о величии русского фортепианного исполнительства в нашем веке, он говорит о музыкантах-стоиках; сохранивших свое искусство в эпоху вынужденного "молчания" литературы. "Это наставление в отсутствие слов, - пишет он, - но с весомостью слова и в широком интеллигентном слове, спасенного в послеоктябрьской России благодаря музыке. Скажу, называя имена: Слово не погибло благодаря таким композиторам, как Шостакович, и таким исполнителям, как Юдина".

Этическая константа нравственного "бодрствования" звучит в книге Гаккеля. Темы взаимосвязи музыки и нравственности, музыки и человеческого бытия, музыки как одной из наиболее "красноречивых" частей культуры произносятся здесь с большой силой и талантом. В этом проявляется не только верность автора традициям русской художественной критики и публицистики, отсюда рождается и необычайная актуальность гаккелевского творчества именно в день сегодняшний.

Андрей ХИТРУК.

КАМЕРТОН

Для того, чтобы понять и оценить разнообразную деятельность петербуржца Леонида Евгеньевича Гаккеля - музыковеда, оратора, публициста, культуролога, педагога - мало прочесть одну из его книг или статей. Гаккеля прежде всего надо услышать, увидеть. Как и в случае с актерским мастерством, описание и анализ которого - ничто в сравнении с живым восприятием неповторимой пластической и речевой интонации, творчество Гаккеля, хотя и относится к области достаточно далекой от театра, все-таки в чем-то соприкасается с ним. Можно сказать, что его искусство в одинаковой мере и ораторское, и писательское. Он в той же мере исполнитель, интерпретатор собственных идей, как и их автор, "композитор". Читает ли он лекцию на "Декабрьских вечерах" в Музее имени Пушкина, говорит ли вступительное слово на одном из концертов Петербургской филармонии, выступает ли перед студентами с мыслями о прошлом и настоящем русского пианизма - всегда его речь производит глубокое впечатление на аудиторию. Подобным сочетанием способностей к музыковедческому анализу и к яркому поглощению собственных текстов на сцене в нашей культуре до Гаккеля обладал, пожалуй, лишь знаменитый (тоже петербуржец) И.Соллертинский, чей образ дошел до нас благодаря актерскому дарованию И.Андроникова, сделавшего Соллертинского героем одного из своих устных рассказов.

Л.Гаккель начинал свой путь как пианист, как ученик выдающегося петербургского педагога и пианиста Н.Перельмана. Молодой музыкант быстро нашел свой путь в искусстве, обратившись еще на консерваторской скамье к музыковедению, и в свои 23 года уже выпустив небольшую

*Журнал и газета -
1996. - 25 мв. -
1 февр. - с. 7*